

О трансляции наших спектаклей по радио

В конце прошлого года Всесоюзное радио передавало трансляцию спектакля Большого театра «Иоанна». Я был свободен от спектакля и случайно как раз в это время включил радио. И мне стало очень обидно за свой оркестр: неравновесие между группами, разобщенное звучание скрипок, сухой тембр меди — вот что я услышал по радио. Но ведь всего этого нет, если слушаешь наш оркестр в театре. А ведь подобное звучание по радио представляет оркестр Большого театра всему Союзу, а может быть и шире — ведь это же первая программа! К сожалению, последующие трансляции и записи со сцены театра других спектаклей не опровергли это впечатление.

Думается, что в связи с предстоящим юбилеем уместно поставить вопрос об улучшении радиотехнического оснащения театра.

В самом деле, почему по трансляции из Байрейтского театра получают отличные стереозаписи вагнеровских опер? Почему фирма «Мелодия» нашла возможность запи-

сать в зале Большого театра балет «Спартак» и несколько опер без акустических потерь?

Может быть, этому способствовало правильное размещение микрофонов в оркестре или подключение реверсберационных устройств? А может быть, нельзя обойтись без общего микрофона, воспринимающего целостную звуковую ткань? Тогда, кстати, меньше будет слышен топот ног по сцене и другие посторонние шумы.

Спору нет, театр не концертный зал, здесь нельзя подвешивать микрофон над оркестром, как при записи в студии. Значит, надо найти другие точки — в люстре или на ярусах — это уже дело специалистов. Главное — надо обязательно достигнуть адекватную звукопередачу.

Это касается не только трансляции за пределы театра. Зритель, пришедший в театр, вообще не должен ощущать, что где-то применено радио (кроме исключительных случаев, как, например, начало 5-й картины оперы «Неизвестный солдат»).

А между тем большое фортепьянное соло в III акте балета «Асель» звучит словно запись на

плохом магнитофоне. От тембра великолепного «Бехштейна» остается одно название.

В оркестровом антракте после картины «Рулетка» в «Игроке» звучание рояля за сценой так искажено, что почти не слышно правую руку пианиста. А на одном из спектаклей «Моцарта и Сальери» даже нам, артистам оркестра, игравшим на сцене, были слышны басовые октавы рояля из динамиков, помещенных в оркестровой яме!

Оказалось, что микрофоны устанавливаются внутри рояля или пианино, у самых басов. А ведь каждому звукооператору в Доме звукозаписи или в «Мелодии» известно, что микрофон нужно ставить на расстоянии полуметра от рояля и со стороны дискантовых струн.

Если специалисты не согласятся с этими моими предложениями, то пусть предложат какие-либо другие. Важно выработать и точно соблюдать оптимальные условия. Думается, что дирижеры, художественный совет и руководство театра должны уделить этому вопросу должное внимание.

В. СЕДОВ,
артист оркестра,
секретарь бюро ВЛКСМ оркестра.

1945, 23 мая